

имущества, лишением свободы и за тяжелые преступления — смертной казнью.

Каждый чехословацкий гражданин обязан вести учет всех лиц, которые не стали выполнять положения этого закона (постановления).

Далее предлагается, чтобы чехословацкое правительство в Лондоне издало манифест к народу, в котором оно призвало бы все слои населения к усилению борьбы против немецких оккупантов, особенно в следующих областях:

- 1) парализация германского военного производства,
- 2) дезорганизация германского военного транспорта,
- 3) дезорганизация германского военного снабжения,
- 4) вооруженная борьба против немецких оккупационных властей».

Фирлингер

Публикуется по сб.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 45—46.

¹ Йозеф Кроснарж — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. III, примеч. 8 к док. 82. В 1938—1945 гг. находился в эмиграции в СССР, являлся членом Московского руководства КПЧ. С 1945 г. — член Президиума ЦК КПЧ, в 1952—61 гг. — министр в правительстве ЧСР и ЧССР.

² Несмотря на предательство Э. Гахи и его окружения, Э. Бенеш и буржуазная эмиграция продолжали занимать по отношению к ним сдержанную позицию и по сути дела оправдывали их действия (см. док. 112).

К проекту КПЧ, который был получен в Лондоне накануне покушения на Гейдриха, буржуазная эмиграция не выразила своего отношения, оставаясь в этом вопросе, в сущности, на прежних позициях (см.: Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Praha, 1946, s. 165). В июне 1942 г., когда непосредственное участие органов управления протектората в преследованиях чешского населения стало совершенно очевидным, лондонское правительство выступило с двумя заявлениями, в которых хотя и отмежевало от ряда наиболее видных коллаборационистов и говорило о «наказании убийц», но не высказалось против Э. Гахи (Čechoslovák, Londyn, 1942, 5. a 9. června). Лишь в августе 1942 г. Государственный совет в своем постановлении назвал гаховцев предателями чешского народа, прислужниками Германии и врагами республики (Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны, с. 91—92).

151

Из телеграммы посланника в СССР Э. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу об отношении Советского правительства к чехословацкому правительству и к деятельности военной миссии в СССР

Куйбышев

26 мая 1942 г.

1) Что касается Вашего визита, то я полностью согласен с указанным Вами сроком и убежден, что визит будет искренне приветствовать, как только для этого созреет обстановка. Могу Вас заверить, что по отношению к нам позиция Москвы абсолютно положительна и ясна, учреждения относятся вполне лояльно и сердечно, хотя иногда нас упрекают за гаховщину, за недостаточно решительную политику на внутреннем фронте и за методы некоторых наших военных учреждений...

3) Я полагаю, что в Лондоне значение и возможности военной миссии переоцениваются. Спрашивается, были ли сообщения Пики всегда объективными. Здесь нет почвы для создания освободительных легенд. Здешние условия требуют абсолютного единства военных и политических действий, что невозможно, если военные будут выступать само-

стоятельно; они хотя и могут выполнять свои специальные дела, но обязательно с учетом политической стороны. Полная самостоятельность военной миссии, как это имеет место у нас, не имеет прецедента. Советы имеют ряд возражений против деятельности военной миссии¹. Считаю необходимым доложить об этом, хотя и долго колебался, не желая вызвать впечатление, что я лично заинтересован в этом. Я опасаюсь, что мы будем иметь из-за этого еще значительные затруднения.

4) Разговоры о разложении армии — это борьба с ветряными мельницами. Нельзя запретить коммунистам вступать в часть и требовать соответствующего назначения. В остальном — это обычно хорошие и дисциплинированные солдаты. Им строго запрещено проводить политическую пропаганду. Каждая погрешность строго осуждается советской стороной. Любой инцидент можно немедленно и легко разрешить с прикомандированными, очень симпатичными и расположенными к нам офицерами. Все могло бы идти гладко, без излишних опасений и предрассудков, и батальон мог бы уделять внимание исключительно учениям. Мы же не можем создать в окружающей нас обстановке независимое соединение. Об этом мы должны были подумать, прежде чем приступить к делу. Уже ныне организация небольшой части была связана с огромными трудностями, и если бы она явилась пассивом также и в политическом отношении, то это было бы совершенно убыточное и вредное предприятие...

Фирлингер

Публикуется по сб.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 47—48.

¹ Одной из главных задач Чехословацкой военной миссии в СССР, официально предусмотренных при ее создании, являлась совместная деятельность с советскими органами по организации чехословацких воинских частей на территории Советского Союза. Однако миссия направляла свои усилия главным образом на то, чтобы обеспечить такой политический характер новообразованных чехословацких военных подразделений, который отвечал бы замыслам буржуазной эмиграции. Миссия стремилась к тому, чтобы в подразделения были направлены из Англии офицеры, придерживавшиеся правых взглядов, а также «подвергала дискриминации людей, с левыми взглядами, особенно коммунистов» (*Fierlinger Z. Ve službách CSR, díl 2, s. 63—64*). Некоторые сотрудники миссии находились в постоянном контакте с антисоветски настроенными офицерами в чехословацкой воинской части.

Недоброжелательное отношение складывалось у Чехословацкой военной миссии и к командиру 1-го чехословацкого отдельного батальона полковнику Л. Свободе, которого любили его подчиненные и который пользовался большим уважением у советских руководителей. Разногласия особенно обострились в связи с тем, что Л. Свобода обратился к советским органам с просьбой об отправке батальона на фронт (см. док. 166 и примеч. 1).

Исходя из этих соображений, советские представители с полным основанием опасались того, что Чехословацкая военная миссия стремится создать на территории СССР военное формирование, «проникнутое недемократическим духом, духом нетерпимости по отношению ко всем левым течениям...» (*Fierlinger Z. Ve službách CSR, díl 2, s. 63*).

Из выступления К. Готвальда перед воинами чехословацкой воинской части в СССР¹

Бузулук

27 мая 1942 г.

...Основным тактическим и политическим принципом нашего народа на родине является сегодня широчайшее национальное единство, то есть объединение всех чехов без различия их социального происхождения, политических убеждений и религиозного вероисповедания в